

Штрихи к портрету

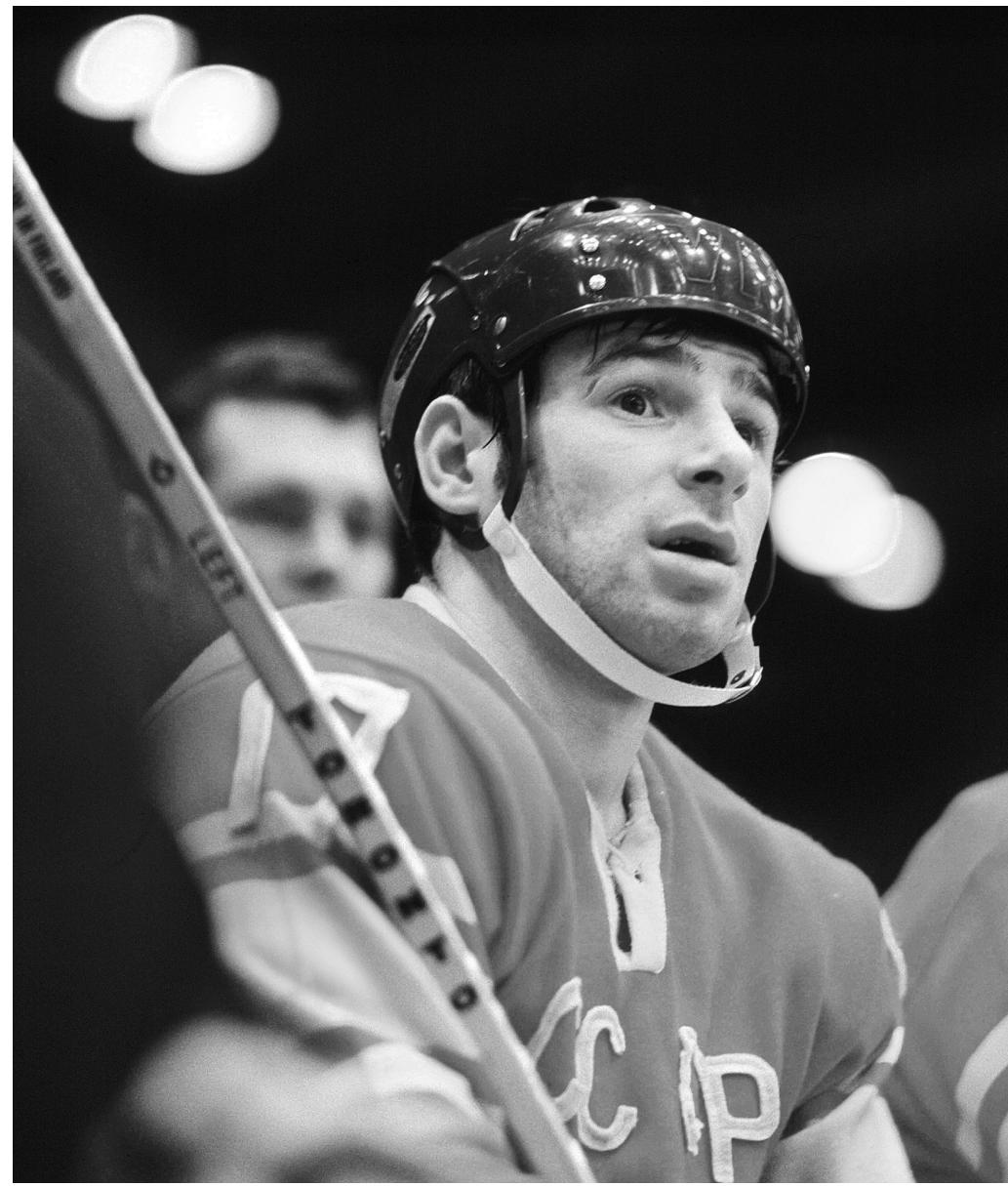

ФОТО ВЯЧЕСЛАВА ЧУДАСИЧА/ТАСС

Хоккей в России намного больше, чем просто игра. А герои ледовых арен – не просто кумиры трибун. Они, словно боги, спускающиеся на землю. Их обожают, на них молятся. Так было, есть и так, надеемся, будет. Вот почему кинофильм «Легенда №17», едва выйдя на большой экран, мгновенно побил все кассовые рекорды среди отечественных фильмов, выходивших в прокат в последние годы.

Валерий Харламов. Это имя действует на людей магически. Притягивает. Завораживает. Неслучайно зрительные залы на премьерных показах были битком, как и трибуны спортивных арен, когда на лед выходил сам Харламов.

Не берусь оценивать художественные достоинства фильма, это дело вкуса, но с названием картины авторы угадали точно. Попали, как говорится, в самую деснту. Чего-что, а легенд о гениальном нападающем ЦСКА и сборной ССР еще при жизни было сложено пропаст, причем не только устных, но и рукописных, отпечатанных затем тысячами тиражами. В одной из них, например, утверждалось, что он родился в мчавшейся на всех парах машине «Скорой помощи». История – красавица, во многом даже символична, с намеком на заколдованный судьбы. Не имеющая, правда, ничего общего с действительностью. На самом деле, как рассказывал отец легендарного хоккеиста Борис Сергеевич Харламов, никакого форс-мажора не было. Когда у жены начались схватки, они оперативно собирались и поехали в роддом, где Валерий и появился вскоре на свет. На обратном пути, правда, Бориса Сергеевича забрали в мили-

цию. Ночь. Зима. А он шел один-одинешенек по пустой совершенно улице с узелком женских вещей – одежду жены отдали в роддом. Проезжавшему мимо милиционеру патруль одинокий ночной сторожник показалась подозрительным. Из отделения, куда его привезли, дежурный капитан позвонил в роддом, там все подтвердили. Милиционеры извинились перед будущим отцом и отпустили его, пожелав обязательно сына...

Валерий Харламов на льду –

Во время Суперсерии 1974 года Харламов забил в ворота канадцев феноменальный год. Один из лучших в истории мирового хоккея

тема особая. И очень деликатная. Когда Владислав Третьяка признали лучшим хоккеистом XX века, великий вратарь сказал, что будь его воля, он бы отдал этот титул Харламову.

Играть, как Харламов, нельзя. Гений неповторим. Не стоит даже стараться. Во время Суперсерии 1974 года он забил в ворота канадцев феноменальный год. Один из лучших в истории мирового хоккея вообще, если не самый лучший, учитывая психологический на-

каль поединка и высочайший

Великий канадский голкипер Кен Драйден, игравший не раз против Харламова, однажды признался, что всякий раз, когда Харламов выкатывался с шайкой на его ворота, его, Драйдена, пробирала невольная дрожь: «Против Харламова я всегда себя чувствовал неуверенным. Действия многих, даже очень хороших нападающих, можно было предугадать. Но только не Харламова. Я ни-

дополнительные материалы смотрите на сайте WWW.SOUZVECHE.RU

Журавлев уже заявил, что отговаривать пловца изменить решение он не собирается. Категорично настроен и президент Всероссийской федерации плавания Владимир Сальников: «Никаких сожалений по поводу решения Аркадия Вяччанина я не испытываю. Мы думали, что он, и правда, собирается выступать за сборную на чемпионате мира в Барселоне. Оказывается, это не так. Судя по всему, все это было запланировано...» Аналогичной точки зрения придерживается министр спорта России Виталий Мутко: «У каждого гражданина есть право выбора. Мы не можем насилием заставить его выступать за Россию. Но когда решения подаются с каким-то дополнительным оракулом – кто-то кого-то, мол, обижает, – это похоже уже на некую заготовку...»

На крыльях «Аэрофлота»

Официальным перевозчиком легендарного футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», в 20-й раз выигравшего золотые медали национального первенства Англии, с будущего сезона станет не менее легендарная российская компания «Аэрофлот». Информация об

когда не знал, что он сделает в следующий миг, и это было самое ужасное. Я ненавидел себя в такие моменты, но они повторялись снова и снова: вот он опять накатывает, о нет!..»

Зрители видят хоккей с трибуны, так сказать, в свете прожекторов. Хотя под трибунами, скрытые от зрительских глаз, происходят, бывает, захватывающие дух истории. Страсти кипят покруче даже, чем на льду. Об одной из таких историй с участием Харламова мне рассказал однажды знаменитый спортивный диктор Валентин Валентинов. Дело было в конце 70-х перед матчем ЦСКА с «Химиком» в лужниковском Ледовом дворце. До начала игры оставался где-то час. Валентинов шел по коридору мимо армейской раздевалки. Вдруг, чуть не сбив его с ног, из раздевалки в коридор выбежал Харламов. В армейском свитере, в хоккейных защитных трусах и в одном ботинке с коньком, на дотрон явно впопыхах, на пол соглядя снискали незавязанные шнурки. Другой конек, поблескивавший лезвием, он скимал в руке. И вдруг озирался вокруг, кого-то высматривал. «А, вот ты где!» – переваливался избогутой ногой, Харламов подошел к двум мужчинам. Они стояли тут же, в коридоре, и о чем-то разговаривали. Харламов взял за плечо того, что был к нему спиной, развернув рывком на себя и с неизвестностью, присевшая каждое слово, произнес: «Убью тебя, гадина!»

«Я привык, – рассказывал Валентинов, – что во время игры хоккеисты раскаиваются порою, как мартеинская печь. Место диктора находятся как раз по соседству со скамейками штрафников. Такую «симфонию» услышишь оттуда. Бушевал иногда и Валера. Это – в игре. Но чтобы вине... Там яким яростным – я его видел впервые, хотя мы встречались на каждой игре в «Лужниках».

А дело было вот чем. Накануне в одной из центральных газет появился заказанный явно сверх критический материал, по сути своей, пасквиль на Александра Малышева, с которым Харламов был очень дружен. Харламов знал автора материала и решил поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вырывается: «Да идите вы все, отруг моего Сашку так охаж!..» Автор материала, решив поговорить с ним по-мужски. «В гневе Харламов был страшен, – рассказывал Валентинов. – Я думал – он его просто убьет. Хорошо, поблизости оказалась два каких-то полковника. Они кинулись к Харламову, повисли на нем, за руки его держали. «Валера, умоляем тебя, не надо, успокойся...» Он вы